

УДК 316.454.5:(=161.1)(=35)

К ПРОБЛЕМЕ РОССИЙСКО-ЧЕРКЕССКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: XIX – НАЧАЛО XXI ВЕКА

Белозёрова Марина Витальевна, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории этносоциальных проблем, Сочинский научно-исследовательский центр Российской Академии наук (г. Сочи, РФ). E-mail: mbelozerowa@mail.ru

В статье на основе архивных и историографических данных рассматриваются проблемы формирования этнической идентичности, российско-черкесского взаимодействия в XIX – начале XXI века, «черкесский вопрос» как часть дискуссий о Русско-Кавказской войне XIX века. Автор статьи приходит к выводам, что процесс этнической консолидации черкесов, ярко проявившийся в XIX веке, не завершен вплоть до настоящего времени, он имеет этнополитический характер. Сохранение этнической идентичности играет позитивную роль в стремлении сохранить национальную культуру, язык, традиции и целостность народа, в его консолидации. Итоги Русско-Кавказской войны и «черкесский вопрос» всегда будут на острие дискуссий, так как являются яркими вехами этнической истории. Поэтому они требуют крайне уважительного отношения к проблематике. Чтобы избежать опасности того, что национальные идеи отдельной этнической группы могут перерасти в национализм и межэтническую напряженность, необходимо проводить оценку направленности и содержания этнической идентичности в русле сохранения и укрепления бесконфликтного социального мира, в рамках которого отсутствуют обвинения по отношению как к титульным этносам, так и этническим меньшинствам.

Ключевые слова: российско-черкесское взаимодействие, этническая идентичность, Русско-Кавказская война XIX века, «черкесский вопрос».

TO THE PROBLEMS OF THE RUSSIAN-CIRCISSIAN INTERACTION AND FORMATION OF ETHNIC IDENTITY: XIX – EARLY XXI CENTURY

Belozerova Marina Vitalievna, Dr. of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of Laboratory of Ethno-social Problems, Sochi Research Center of Russian Academy of Science (Sochi, Russian Federation). E-mail: mbelozerowa@mail.ru

Problems of formation of ethnic identity and the ethnic identity preservation are interrelated. The desire to preserve ethnic identity is the guarantor of psychological security and stability. This strategy is called “social creativity” in sociological literature. At the same time, ethnic minorities may choose a different strategy and the “right of self-identification with a negative assessment of the group”. Feeling of inferiority of their ethnic group, a keen perception of discrimination, low personality self-esteem formed in this case. Therefore, certain social groups use ethnic identity as a tool of social engineering.

“Circassian issue,” as a part of discussions on the Russian-Caucasian war (option – Caucasian War) of the XIX century, is one of the most discussed political issues of the Caucasian information field of the late 1980s–2010s.

“Circassian question” includes several components: the Russian-Circassian relations during the war, deportation and the Circassian people genocide recognition by the world community, the opportunity to receive compensation by the descendants of the victims, the independent state “Great Cherkessia” creation on the base of several Russian Federation subjects confluence, the possibility of the settlers descendants mass return from other countries to Russia with significant preferences obtain.

The author's conclusions are the following.

1. The process of ethnic Circassians consolidation began in the 19th century and was not completed in the early 21st century.

2. The results of the Russian-Caucasian war of the 19th century and "Circassian issue" will always be at the forefront of discussions. They are bright milestones of the ethnic history. Therefore, the discussion issues require very respectful attitude.

3. The separate ethnic group national ideas can develop into nationalism and ethnic tensions.

Therefore, the direction and content of ethnic identity should be assessed as part of the social, conflict-free world preservation and strengthening without recrimination titular ethnic groups and ethnic minorities.

Keywords: Russian-Circassian interaction, ethnic identity, Russian-Caucasian war of the XIXth century, "Circassian issue."

Проблемы оформления этнического самосознания и сохранения этнической идентичности во многом взаимосвязаны. В процессе становления этнического самосознания у его членов вырабатывается осознание себя как определенной общности, что свидетельствует о появлении нового этноса [11, с. 63]. Осознаваемые отличия фиксируются в этнониме. Этничность зарождается в условиях, когда общность осознается на любых других признаках, не сводимых к родству [5] (к примеру, развитие национального самосознания, формирование идей национального самоопределения, этническая консолидация [1]).

Для человека является естественным стремление к сохранению своей этнической идентичности как гаранту психологической безопасности и стабильности. С этой целью в социологической литературе используется так называемая стратегия «социального творчества» (А. Тэшфел и Дж. Тернер). В то же время этнические меньшинства могут выбирать и другую стратегию, определяемую Т. Стефаненко как «правильная самоидентификация с негативной оценкой группы». В этом случае формируется ощущение неполноценности своего этноса, обостренного восприятия дискриминации, заниженной самооценки личности [21]. В этом смысле этническая идентичность используется определенными социальными группами как инструмент социальной инженерии. То есть происходит «политизация» этничности, когда определенные общественные группы, политики, политологи используют этнические ценности, исторические сюжеты и историческую память этноса в своих идеологических конструктах, обеспечивая себе социальную поддержку и политический капитал. И здесь роль медиа трудно

переоценить. В широком смысле массмедийные материалы, расположенные в Глобальной сети и рассчитанные на широкую публику, выполняют функцию проводника в информационном обществе. Они позволяют значительному кругу ее пользователей – журналистам, исследователям, краеведам, просто заинтересованным лицам – принимать участие в обсуждении любых явлений, фактов, событий. В информационном поле конца 1980-х – 2010-х годов этнической информации принадлежит значительное место. Обсуждаются темы как напрямую связанные с этничностью, так и нет – социально-экономические, экологические, осуществляется «поиск виновной стороны» [17] (как правило, ею выступает СССР, затем РФ). В 1990-е годы активизировался процесс мифотворчества и зазвучал «мотив жертвы», который актуален вплоть до настоящего времени.

На протяжении всего этого времени одним из самых обсуждаемых и политизированных вопросов кавказского мира является «черкесский вопрос» как часть дискуссий о Русско-Кавказской войне (*вариант* – Кавказской войне) XIX столетия. В мае 2015 года исполняется 151 год со времени ее окончания. Она привела к политическим, социокультурным и демографическим изменениям в кавказском регионе, массовым депортациям черкесов, масштабному переселению горцев и русского, армянского, эстонского, греческого населения. События Русско-Кавказской войны до сих пор не утратили общественного и научного внимания и не обойдены интернет-сообществом.

Актуальность проблематики Русско-Кавказской войны, по мнению политолога В. Новикова, прежде всего, определяется поиском этнической идентичности кавказских народов: «...Кавказская

война для многих народов оказывается ближайшим историческим событием, от которого они начинают отстраивать свое место и роль в тех процессах, которые происходят в мире...» [14]. Русско-Кавказская война, ее окончание и последствия действительно положили начало формированию этнического самосознания и идентичности, консолидационным процессам у многих кавказских народов. У некоторых этносов они так и не были завершены [4], например, у черкесских народов – абадзехов, шапсугов, убыхов, натухайцев. Этот процесс был прерван движением мухаджирства – переселением в Турцию. В результате в российском Причерноморье остались небольшие этнические группы как коренные малочисленные народы (шапсуги).

В Сети активистами зарубежной черкесской диаспоры, национальных черкесских общественных объединений (к примеру, кабардино-балкарское общественное движение «Хасэ», «Черкесский конгресс» с отделениями во всех черкесских республиках РФ) он в достаточной степени активно обсуждается. При этом наибольший всплеск этих дискуссий, как правило, наблюдается в наиболее значимые для нашего государства и народа периоды [3]. В данном контексте можно отметить публикации в различных интернет-изданиях в период, предшествовавший зимней Олимпиаде в Сочи 2014 года. Затем наблюдается спад дискуссий.

«Черкесский вопрос» включает несколько составляющих: русско-черкесские взаимоотношения в ходе войны, депортацию и признание геноцида черкесских народов мировым сообществом, на этой основе – возможность и необходимость выплаты компенсаций потомкам пострадавших, создание независимого государства «Великая Черкесия» на базе слияния населенных черкесами субъектов РФ, возможность массового возвращения потомков переселенцев-черкесов из других стран в Россию с получением существенных преференций (в частности, земель за счет нечеркесского населения Северного Кавказа).

Основная часть идей и теоретические конструкции, на основе которых развивается «черкесское движение», а также терминология, которая уже стала общепринятой, привнесены извне западным сообществом [13]. В этих дискуссиях

обвинительные «доводы» против России практически в неизменном виде перемещаются из статей в книги, интернет-издания, интервью общественных деятелей. При этом активно используется «демократическая» фразеология. И в то же время авторы, как правило, не обращаются к анализу исторических обстоятельств того времени, геополитических интересов и мотивации стран-участников Русско-Кавказской войны – России, Турции, Ирана, Англии, Франции. Исторические документы, как правило, не являются аргументами в подобных дискуссиях. А для объективного взгляда на «черкесский вопрос» и во избежание излишней политизированности как раз и следует обратиться к архивным документам (отметим их массовость и высокую информативную емкость, доступность для интернет-сообщества [15]), историографическим источникам и научным исследованиям.

После завоевания Константинополя в середине XV века и одновременного распада Грузинского царства Порты распространила свое влияние на Черноморское побережье Западного Кавказа. В начале XVII века помимо территориальной экспансии Черноморского побережья Западного Кавказа влияние Турции проявилось и в вытеснении христианства, разрушении христианских храмов и распространении мусульманства среди горцев. В этот период огромную территорию от берегов Черного моря до пределов Кабарды занимали черкесские племена – шапсуги, убыхи, абадзехи, натухайцы, которые расселились по долинам рек Пшада, Джугба, Шапсухо, Шахе, Соча, абхазские племена, ногайцы и карачаевцы.

В XVIII–XIX веках Черноморское побережье в планах русского военного командования занимало особое место. Перед Россией стояло несколько задач [22, с. 73, 539; 12, с. 5–17; 24, д. 95, л. 1, 2]:

- обеспечить беспрепятственный выход к Черному морю, что позволяло поставлять продукты, фураж и оружие русским войскам, дислоцированным в Закавказье, осуществлять набор рекрутов из числа местных уроженцев;
- не допустить формирования турецкого плацдарма у западных границ новых владений России;
- использовать побережье Абхазии, Сухумский и Анапский рейды для дислокации рос-

сийского флота, так как они имели стратегическое значение для России на Черноморском побережье Кавказа;

- обеспечить безопасность южных границ от посягательств Турции, Крымского ханства и от набегов горцев;

- пресечь военную контрабанду;

- прекратить работорговлю со стороны абхазского и черкесского населения.

Последний фактор был не менее важным в планах русского правительства и командования на кавказском театре действий. И как раз этот фактор в трактовке русско-черкесских взаимоотношений времен Русско-Кавказской войны XIX века замалчивается представителями современных национальных элит, правозащитных организаций, в публикациях, размещенных в Сети, и полностью игнорируется в дискуссиях по «черкесскому вопросу».

В XIX веке русские воспринимали черкесские племена как активных участников работорговли, широко распространенной по всему Черноморскому побережью Кавказа. «Товаром», столетиями поставляемым в Турцию и Крымское ханство, были, в том числе, и славяне. Адыгские князья и уорки (дворяне) предпринимали набеги как на соседние, горские племена, так и на русские селения [20, с. 172], грабя, убивая и беря в плен население с целью продажи на невольничьих рынках. По мнению В. К. Гарданова, именно Турция поощряла работорговлю даже после заключения Адрианопольского мира (1829 год) в форме высокорентабельной контрабанды [8, с. 111–112, 116].

Другим из наиболее острых в современных дискуссиях вопросов является депортация черкесов Причерноморья. Данная проблема получила достаточно широкое освещение в интернет-сети, во многом была политизирована и конъюнктурна, особенно в преддверии сочинской Олимпиады. С этим связывается и другая сторона «черкесского вопроса» – «геноцид» черкесского народа [10]. Борьба горцев с Российской империей традиционно рассматривается только в контексте «национально-освободительного движения». Последовавшая же за войной их депортация – как процесс осуществленный или исключительно Россией, а не Турцией [16], или как следствие

«сговора» между Россией и Турцией [10]. В этой связи следует отметить, что проблема депортации черкесов и явления «мухаджирства» в достаточной степени разработана в отечественной историографии [8]. По свидетельству очевидцев, осуществлялось физическое истребление горцев, поджог их селений, уничтожение посевов и скота [6, с. 249]. Поднимая же проблему «геноцида черкесского народа», следует признать, что военные действия русских частей и горских племен, безусловно, сопровождалась жертвами, но с обеих сторон.

В то же время в современном общественном сознании происходит некая подмена понятий «депортация» и «геноцид». Депортация означает принудительную высылку, обычно под конвоем, лица или целой категории лиц в другое государство или другую местность. Геноцид – это действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую. Пути этого различны: убийства членов этой группы; причинение тяжкого вреда их здоровью; меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в данной группе; изъятие детей из семьи; предумышленное создание жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение этой группы.

Обращаясь к историческому прошлому, отметим, что Российская империя никогда не проводила политики геноцида, то есть поголовного физического уничтожения, к народам как добровольно вошедшим в состав России, так и насильственно присоединенным, в том числе и к народам Кавказа. Русское государство изначально формировалось как полиэтничное, поликультурное и поликонфессиональное, что наложило отпечаток на его историю, культуру, язык, межнациональные и конфессиональные связи. Вхождение в состав Российской империи способствовало исчезновению стычек и войн между этническими группами и множеством племен. Многонациональный характер Российского государства воспринимался имперским правительством как сильная сторона политики государства. Почти все народы вплоть до начала XX столетия сохраняли свою этническую специфику – традиционный образ жизни, культуру, религиозные верования, нормы обыч-

ного права. Что касается черкесов, то об этом свидетельствует и ряд документов, например, посемейные списки черкесов, отправляющихся в Турцию для совершения паломничества (хаджа) в Мекку [18, д. 504, л. 70–70 об., 71–115 об., 120, 121–128 об.]. Национальная элита сохраняла привилегии на своих этнических территориях по мусульманскому и обычному праву, но и получала статус и права российского дворянства.

Переселение враждебно настроенных к русским горцев было во многом вынужденной мерой. В конце 1850-х годов местному населению было предложено переселиться на Кубань, но значительная их часть предпочла переселение в единовременную Турцию [9, с. 52; 11, с. 35]. По архивным документам прослеживается и роль Турции в переселении горцев. Среди них была развернута целая пропагандистская кампания. В прокламациях от имени турецкого правительства черкесское население заверялось в полной безопасности и дружеских отношениях, в том, что для переселенцев строятся дома на пожертвования турецкого населения [23, л. 266]. Однако в Турции для переселенцев дела складывались не так благополучно, как это декларировалось. Из переписки представителя Российского Императорского консульства в Трапезунде (нынешнем г. Трабзоне), отслеживавшего ситуацию, с командующим Кавказской армией А. П. Карцовым видно, что в местах приема на турецком берегу скапливались сотни тысяч переселенцев с имуществом и скотом. Среди них начались инфекционные болезни, тиф, смертность доходила до 150–200 человек в день [23, л. 213].

Оставшиеся в Причерноморье горцы первоначально вынуждены были селиться в горах в 55 верстах от берега Черного моря. Тем не менее русская администрация и поселенцы были заинтересованы в развитии мирных взаимоотношений с местным населением. В их основу изначально был положен экономический принцип: организовывалась меновая торговля необходимыми для горцев товарами, прежде всего солью. Затем по инициативе горского населения торговля была расширена другими товарами: холстом, сафьяном, шелковыми и хлопчатобумажными тканями [9, л. 1; 6, л. 1–4; д. 94, л. 1]. В целом эти меры способствовали складыванию и развитию мир-

ных отношений с горцами, хотя и не со всеми племенами [2].

Черкесы занимались разведением скота (лошадей, крупного рогатого скота, овец, коз), пчеловодством, полеводством (озимая пшеница, кукуруза, овес, просо). Общее поголовье скота по отдельным населенным пунктам доходило до 1400–1700 голов. В зависимости от количества посевов, урожаи кукурузы, например, составляли 1121–3150 пудов, яровой пшеницы до 20 (посеяно 2 пуда) – 48 пудов (посеяно 6 пудов) [7, с. 20]. Уже в 1874 году горцы были «выведены» из своих горных населенных пунктов и «помещены» вблизи штабов батальонов русских, где и образовали аулы. В течение года их передвижения строго контролировались и регламентировались русским командованием [7, с. 15, 19]. В 1869–1871 годах численность горцев увеличилась за счет части возвратившихся причерноморских шапсугов, выселенных ранее на Кубань, а также с Северного Кавказа и иммигрировавших в Турцию.

Вот лишь некоторые исторические факты, которые стараются «не замечать» сторонники «черкесского вопроса», тем самым обедняя историю своего народа и «удобряя почву» для произрастания национализма.

Рассматривая данную проблематику, следует отметить и интерес к истории черкесов, проявленный в 1950-е годы иностранными спецслужбами в рамках новой тогда доктрины «холодной войны». А также внимание иностранных историков и экспертов (Стефан Д. Шенфильд, Пауль Б. Генз, М. Манн, У. Ричмонд и др.), которые однозначно национальную трагедию черкесов трактуют как «геноцид», акцентируя внимание только на количестве погибших в ходе военных действий и депортированных в Турцию. При этом, не анализируя то, что в итоге был изменен «специфический образ жизни черкесов» – прекращены набеги, грабежи, убийства, работорговля как своими соплеменниками, так и русским населением. Окончание Русско-Кавказской войны совпало по времени с отменой крепостного права. Реформа распространялась на всей территории России, в том числе и на вновь завоеванные земли. «Местный» рабовладельческий строй был обречен, как и «промысел» местной элиты, а, соответственно, их благополучие было поставле-

но под угрозу. Поэтому исход черкесской элиты в Турцию вместе с подконтрольными горскими племенами стал единственным выходом для сохранения своего положения и влияния в среде соплеменников. В результате практически весь черкесский этнос (по некоторым данным до 90 %) оказался вне России.

Резюмируя вышесказанное, следует акцентировать внимание на следующих аспектах. Анализ ситуации в Причерноморье показывает, что национальные движения и национальные идеи играют позитивную роль в стремлении сохранить культуру, язык, традиции и целостность народа, в его консолидации. Однако существует опасность того, что национальные идеи отдельной этнической группы могут перерасти в национализм и межэтническую напряженность.

Процесс этнической консолидации адыгов, ярко проявившийся в XIX веке, не завершён вплоть до настоящего времени. Во многом он имеет этнополитический характер. Итоги Русско-Кавказской войны и мухаджирство являются яркими вехами этнической истории. Они всегда будут на острие дискуссий и требуют крайне уважительного отношения к проблематике. Однако стремление выдвинуть концепцию геноцида отдельными представителями национальной политической элиты не является конструктивной. Высказывания о необходимости выплаты компенсаций и получения преференций потомками пострадавших переселенцев-черкесов могут вызывать встречные контраргументы со стороны представителей различных политических сил. Контраргументом может стать то, что в течение советского периода (1917–1991 годы) проводился политический курс на социально-экономическое

и культурное развитие и «выравнивание» всех этносов, проживавших в СССР, и прежде всего национальных меньшинств, в том числе и черкесов. В «национальные окраины» вкладывались значительные финансовые средства, направлялись различные специалисты как в социальную, так и экономическую сферы, создавалась инфраструктура регионов, формировалась национальная интеллигенция на основе бесплатного образования. И можно констатировать, что большинство национальных лидеров 1990-х годов вышли, в сущности, из слоя сформированной советской национальной интеллигенции.

Оценка направленности и содержания этнической идентичности может стать эффективной, если ее проводить в русле сохранения и укрепления бесконфликтного социального мира, в рамках которого отсутствуют обвинения по отношению как к титульным этносам, так и этническим меньшинствам. Конечно же это не означает, что надо игнорировать этническую историю и причины межэтнических конфликтов прошлого. Речь идет о том, что все интерпретации исторических событий должны быть даны с позиций науки, здравого смысла, взаимопонимания, межкультурного взаимодействия, а не политической конъюнктуры узких социальных групп, стремящихся к политическому влиянию.

В этой связи следует признать необходимость масштабной системной работы специалистов – в первую очередь архивистов, историков – по введению архивных документов, касающихся тех или иных исторических событий, в Интернет. Это во многом будет способствовать достижению объективности в их освещении и уменьшению числа политических спекуляций.

Литература

1. Белозёрова М. В. К проблеме взаимосвязи процессов этнической консолидации и национального самоопределения в южных регионах России // Модернизация полиэтнич. макрорегиона и сопредел. государств: опыт, проблемы, сценарии развития. – Ростов н/Д.: ЮНЦ, 2014. – С. 175–179.
2. Белозёрова М. В. К проблеме межэтнического взаимодействия на территории российского Причерноморья (на примере Большого Сочи) // Homo Communicans II: человек в пространстве коммуникации. – Szczecin, Poland, 2012. – С. 46–52.
3. Белозёрова М. В. Критерии научной объективности в освещении исторических событий в современных масс-медиа // Медийные стратегии соврем. мира. – Краснодар, 2014. – С. 111–115.
4. Белозёрова М. В. Некоторые события Русско-Кавказской войны 1817–1864 годов в сети Интернет: мифы и реальности // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации. – Ростов н/Д., 2014. – С. 90–102.

5. Борина Л. С. Этноним «шорцы»: к вопросу о конструировании этнических границ // Электрон. б-ка Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.
6. Венюков М. И. К истории заселения Западного Кавказа. 1861–1863 годы // Рус. старина. – 1878. – Июнь.
7. Верещагин А. В. Колонизация Черноморского побережья Кавказа. Живой вопрос наших окраин. – СПб., 1878.
8. Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX века). – М.: Наука, 1967.
9. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 261. – Оп. 1. – Д. 1955.
10. Кривенюк А. Ответит ли Россия на «черкесский вопрос»? [Электронный ресурс] // Грузия сегодня. – 22.05.2012. – URL: <http://www.georgiatimes.info/articles/76175-1.html> (дата обращения: 16.06.2014).
11. Крюков М. В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // Расы и народы. – М., 1976. – Вып. 6.
12. Лапин В. В. Кавказская война – война взаимного непонимания // Россия и Кавказ. – СПб., 2003.
13. Михайлов С. «Черкесский вопрос»: не самая масштабная проблема Кавказа – мнение эксперта [Электронный ресурс] // Новости. Грузия. 21.12.2012. – URL: <http://newsgeorgia.ru/point/20121221/215423910.html> (дата обращения: 12.09.2014).
14. Онлайн дискуссия – Кавказская война (1817–1864): между памятью и историей [Электронный ресурс] // Кавказ. узел. – URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/forum/topics/3100> (дата обращения: 12.06.2014).
15. Переселение черкесов в Османскую Империю: по документам российских архивов. 1860–1865 [Электронный ресурс]. – URL: <http://kavkaz.rusarchives.ru/perechen-dokumentov.html> (дата обращения: 12.06.2014).
16. Половинкина Т. В. Сочинское Причерноморье: справ. кн. – Нальчик, 2006.
17. Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере Республики Татарстан) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ethnonet.ru/etnografiya/regionalnaja-identichnost-socialnye-determinanty-i/> (дата обращения: 12.03.2015).
18. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 14257. – Оп. 3.
19. Садовая П. А. К проблеме участия региональных социальных организаций в межкультурной коммуникации, социально и культурной интеграции // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 20. – С. 32–38.
20. Садовой А. Н. Институт рабства в XIX веке: форма русско-черкесского противостояния // Славян. мир. Диалог культур. – Омск; Кемерово: Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств, 2011. – Ч. 1. – С. 164–174.
21. Стефаненко Т. Этнопсихология [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/stef/12.php (дата обращения: 12.03.2015).
22. Утверждение русского владычества на Кавказъ / подъ ред. Генераль-маіора Потто. – Тифлисъ, 1904. – Т. III, ч. 2. – 590 с.
23. Центральный государственный исторический архив Грузии. – Ф. 545. – «Канцелярия по управлению Кавказскими горцами». – Оп. 1. – Д. 63.
24. Центральный государственный исторический архив Грузии. – Ф. 1396. – Оп. 1.

References

1. Belozerova M.V. K probleme vzaimosviasi protsessov etnicheskoi konsolidatsii i natsional'nogo samoopredeleniia v iuzhnykh regionakh Rossii [On the problem of the relationship of processes of ethnic consolidation and national self-determination in the southern regions of Russia]. *Modernizatsiia polietnichnogo makroregiona i sopredel'nykh gosudarstv: opyt, problemy, stsenarii razvitiia [Modernization of poly-ethnic macro-region and the neighboring states: experience, problems and scenarios of development]*. Rostov-on-Don, 2014, pp. 175–179. (In Russ.).
2. Belozerova M.V. K probleme mezhetnicheskogo vzaimodeistviia na territorii rossiiskogo Prichernomor'ia (na primere Bol'shogo Sochi) [On the problem of inter-ethnic cooperation in the territory of the Russian Black Sea region (for example, Greater Sochi)]. *Homo Communicans II: chelovek v prostranstve kommunikatsii [Homo communicans II: man in space communications]*. Szczecin, Poland, 2012, pp. 46–52.
3. Belozerova M.V. Kriterii nauchnoi ob'ektivnosti v osveshchenii istoricheskikh sobytii v sovremennykh massmedia [Criteria of scientific objectivity in covering events in nstoricheskikh modern media]. *Mediinye strategii sovremennogo mira [Media strategy of the modern world]*. Krasnodar, 2014, pp. 111–115. (In Russ.).
4. Belozerova M.V. Nekotorye sobytiia Russko-Kavkazskoi voiny 1817–1864 godov v seti Internet: mify i real'nosti [Some events Russian-Caucasian War 1817–1864. Internet: myths and reality]. *Reklama i svyazi s obshchestvennost'iu: traditsii i innovatsii [Advertising and Public Relations: tradition and innovation]*. Rostov-on-Don, 2014, pp. 90–102. (In Russ.).

5. Borina L.S. Etnonim “shortsy”: k voprosu o konstruirovanii etnicheskikh granits [Word “Shor”: the question of the construction of ethnic boundaries]. *Elektronnaiia biblioteka Muzeia antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN [Electronic library of the Museum of Anthropology and Ethnography. Peter the Great (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences]*. (In Russ.).
6. Veniukov M.I. K istorii zaseleniia Zapadnogo Kavkaza. 1861–1863 gody [To the history of the settlement of the Western Caucasus. 1861–1863]. *Russkaia starina [Russian old]*, 1878, June. (In Russ.).
7. Vereshchagin A.V. Kolonizatsiia Chernomorskogo poberezh'ia Kavkaza. Zhivoi vopros nashikh okrain [Colonization of the Black Sea coast. Live question our margins]. St. Petersburg, 1878. (In Russ.).
8. Gardanov V.K. Obshchestvennyi stroi adygskikh narodov (XVIII–XIX) [Social system Adyghe people (XVIII–XIX)]. Moscow, Nauka Publ., 1967. (In Russ.).
9. Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia. F. 261. Op. 1. D. 1955 [State Archives of the Krasnodar Region. Fund 261. Inventory 1. Vol. 1955]. (In Russ.).
10. Kriveniuk A. Otvetit li Rossiia na “cherkesskii vopros”? [Whether Russia will respond to the “Circassian issue”?]. *Gruziia segodnia [Georgia today]*. (In Russ.). Available at: <http://www.georgiatimes.info/articles/76175-1.html> (accessed 16.06.2014).
11. Kriukov M.V. Evoliutsiia etnicheskogo samosoznaniia i problema etnogeneza [The evolution of ethnic identity and the problem of ethnogenesis]. *Rasy i narody [Races and peoples]*. Moscow, 1976, iss. 6. (In Russ.).
12. Lapin V.V. Kavkazskaia voina – voina vzaimnogo neponimaniia [Caucasian war – a war of mutual misunderstanding]. *Rossiiia i Kavkaz [Russia and Caucasus]*. St. Petersburg, 2003. (In Russ.).
13. Mikhailov S. “Cherkesskii vopros”: ne samaia masshtabnaia problema Kavkaza – mnenie eksperta [“Circassian question”: not the larger problem of the Caucasus – expert opinion]. *Novosti. Gruziia [News. Georgia]*. (In Russ.). Available at: <http://newsgeorgia.ru/point/20121221/215423910.html> (accessed 12.09.2014).
14. Onlain diskussiiia – Kavkazskaia voina (1817–1864): mezhdru pamiat'iu i istoriei [On-line discussion – Caucasian War (1817–1864): between memory and history]. *Kavkazskii uzel [Kavkazsky node]*. (In Russ.). Available at: <http://www.kavkaz-uzel.ru/forum/topics/3100> (accessed 12.06.2014).
15. Pereselenie cherkesov v Osmanskuiu Imperiiu: po dokumentam rossiiskikh arkhivov. 1860–1865 [Resettlement of Circassians in the Ottoman Empire: the documents of the Russian archives. 1860–1865]. (In Russ.). Available at: <http://kavkaz.rusarchives.ru/perechen-dokumentov.html> (accessed 12.06.2014).
16. Polovinkina T.V. Sochinskoe Prichernomor'e. Spravochnaia kniga [Sochi Black Sea Coast. Referencebook]. Nal'chik, 2006. (In Russ.).
17. Regional'naia identichnost': sotsial'nye determinanty i konstruktivistskaia deiatel'nost' SMI (na primere Respubliki Tatarstan) [Regional identity: social determinants and constructivist media activity (the example of the Republic of Tatarstan)]. (In Russ.). Available at: <http://www.ethnonet.ru/etnografiya/regionalnaja-identichnost-socialnye-determinanty-i/> (accessed 12.03.2015).
18. Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv. F. 14257. Op. 3 [Russian State Military History Archive. Fund 14257. Inventory 3]. (In Russ.).
19. Sadovaia P.A. K probleme uchastiia regional'nykh sotsial'nykh organizatsii v mezhkul'turnoi kommunikatsii, sotsial'no i kul'turnoi integratsii [On the problem of social participation of regional organizations in intercultural communication, social and cultural integration]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2012, no 20, pp. 32–38. (In Russ.).
20. Sadovoi A.N. Institut rabstva v XIX veke: forma russko-cherkesskogo protivostoianiia [The institution of slavery in the nineteenth century: form Russian-Circassian conflict]. *Slavianskii mir. Dialog kul'tur [Slavic world. Dialogue of Cultures]*. Omsk; Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts Publ., 2011, part. 1, pp. 164–174. (In Russ.).
21. Stefanenko T. Etnopsikhologiiia [Ethnopsychology]. (In Russ.). Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/stef/12.php (accessed 12.03.2015).
22. Utverzhdenie russkago vladychestva na Kavkaze. Ed. General'-maiora Potto [Approval of the Russian Dominion on Kavkaz]. Tiflis, 1904, vol. III, part 2. 590 p. (In Russ.).
23. Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii. F. 545. “Kantseliariia po upravleniiu Kavkazskimi gortsami” Op. 1. D. 63. [Central State Historical Archive of Georgia. Fund 545. “The Office of Management Caucasian highlanders”. Inventory 1. Vol. 63]. (In Russ.).
24. Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii. F. 1396. Op. 1. [Central State Historical Archive of Georgia. Fund 1396. Inventory1]. (In Russ.).